

Александр Теней

**ДОЛГОВАЯ
МЕХАНИКА**

Александр Теней

Долговая механика

«Автор»

2026

Теней А.

Долговая механика / А. Теней — «Автор», 2026

Души здесь превращают в топливо, сделки заменяют законы, а честность давно стала непозволительной роскошью. Елена служит аудитором. Её редкий дар позволяет читать память через прикосновение. Когда Железный Мост обрушивается в канал вместе с сотнями людей, расследование поручают именно ей. Город требует виновных. Начальство ждёт удобных выводов. Но чем глубже Елена копает, тем яснее понимает, что правда не нужна никому. А задавать неудобные вопросы в мире, где у каждой души есть цена, значит рисковать собственной жизнью.

© Теней А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Запах гари и масла	5
Часть 2. Тени Безымянного	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Теней

Долговая механика

Часть 1. Запах гари и масла

За час до рассвета над Кредисом висела тишина особого рода. Не отсутствие звука, а безмолвие, сквозь которое можно было различить глубинный, утробный гул. Он складывался из тысяч малых шумов. Шипение фонарей на перекрестках, где вместо пламени тлели крошечные осколки отработанных сердечников. Далёкий перестук поршней на насосных станциях каналов. Монотонное тиканье, доносившееся из-за плотно закрытых ставен бесчисленных часовых лавок. Город дышал механикой. Это дыхание никогда не прерывалось.

Елена проснулась за четыре минуты до того, как зазвонил её личный хронометр. Старая привычка, отточенная годами аудиторской работы. Минута промедления могла означать потерю важной улики или дать подозреваемому время замести следы. Она лежала в темноте своей квартиры на пятом этаже доходного дома в квартале Литейщиков и смотрела в потолок.

Хронометр на прикроватной тумбе тихо звякнул. Елена протянула руку и нажала на кнопку, погружая механизм обратно в молчание. Села на кровати, спустила босые ноги на пол и замерла, прислушиваясь к ощущениям в кончиках пальцев. Пол покрывал дешёвый плетёный ковер, но даже сквозь него камень отдавал холодом, накопленным за ночь. Пальцы её ног слегка поджались, улавливая мельчайшие неровности поверхности, микроскопические частицы пыли, едва заметное дрожание, передававшееся от фундамента здания. Эта чувствительность была одновременно даром и проклятием её профессии. Для «щупача» не существовало полностью нейтральных поверхностей. Каждая несла информацию о материале создания и процессах, происходивших с ней, а также людях, которые к ней прикасались.

Она встала и прошла к умывальнику. Вода в кувшине была холодной и пахла металлом. Обычное дело для квартала, где трубы проложили ещё при строительстве первой очереди Литейных цехов. Умываясь, Елена машинально отметила температуру воды и её жёсткость, а также лёгкий маслянистый привкус, говоривший о неполадках в системе фильтрации на городской станции. Её разум постоянно, без усилий с её стороны, фиксировал и анализировал тактильную информацию. Это не было магией в том смысле, в каком её понимали Часовщики. Это был навык, взращённый долгими целенаправленными тренировками и ежедневной практикой, граничащей с одержимостью.

Наставник Грегор вдалбливал этот навык годами. Заставлял часами сидеть в подвалах с завязанными глазами и слушать, как работают насосы.

— Ты должна слышать не механизм, а душу внутри него, — повторял он своим скрипучим голосом. — Механизм лжёт. Его можно настроить, смазать, подделать. Но душа не лжёт. Научись слушать её. Тогда ты всегда будешь знать правду.

Воспоминание было таким ярким, словно разговор состоялся вчера. Елена закрыла глаза и позволила себе провалиться в прошлое. Ей было семнадцать. Она стояла в подвале старого архива, дрожа от холода и волнения. Грегор сидел перед ней на перевёрнутом ящике. Его глаза, выцветшие от многолетней работы с кварцем, смотрели испытующе. В руках он держал сердечник, тускло мерцавший в полумраке.

— Протяни руки, — сказал он.

Елена повиновалась. Её ладони легли на прохладную поверхность кварца. Сфера была гладкой, почти скользкой, но под пальцами ощущалась крошечная вибрация, словно внутри билось сердце какого-то маленького существа.

— Что ты чувствуешь?

— Холод, — ответила Елена, запинаясь. — Ещё дрожь. Очень слабую.

— Это не дрожь, — покачал головой Грегор. — Это пульс. Душа внутри этой сферы принадлежала мужчине. Ему было около сорока. Он умер от лихорадки. Его последней мыслью было сожаление о неоплаченном долге. Он боялся, что его дети пойдут по миру. Этот страх остался в нём, теперь пульсирует здесь, — он постучал костяшкой пальца по кварцу. — Ты должна научиться читать такие вещи. Не гадать, не предполагать. Воспринимать. Как открытую книгу.

— Я не понимаю, как это возможно.

— Твоё тело понимает, а вот разум нет. Ты месяцами тренировалась, чтобы твои пальцы стали чувствительнее, чем у любого другого человека. Теперь ты должна соединить эту чувствительность с головой, — Грегор помолчал и вдруг спросил совсем другим тоном. — Ты знаешь, почему нас называют щупачами?

— Потому что мы всё щупаем?

— Потому что мы ищем истину на ошупь, — старик усмехнулся и убрал сердечник в ларец. — Остальные полагаются на документы, на печати, на чужие слова. А мы полагаемся на то, что невозможно подделать. Душа всегда говорит правду. Вопрос только в том, хочешь ли ты эту правду слышать.

— Почему вы спрашиваете? — Елена нахмурилась. — Разве можно не хотеть правды?

— Можно, — Грегор поднялся и положил руку ей на плечо. Его ладонь была тяжёлой и сухой, как кора старого дерева. — Очень даже можно. Правда не всегда приятна. Иногда она разрушает. Иногда она убивает. Я знаю людей, которые сошли с ума, потому что коснулись сердечника и увидели в нём такое, чего не должны были видеть. Но если ты хочешь стать аудитором, а не просто щупачом, ты должна принять правду. Какой бы горькой она ни была.

Грегор поднял палец.

— И ещё, запомни раз и навсегда: не у всякого человека есть что изымать. Люди любят думать, будто душа у всех одинаковая и просто спрятана глубже, но они врут. У одного душа как горн, жаркая и плотная, её хватит на целую мастерскую, и за такую Менялы удавятся, не задумываясь. У другого тлеющий уголёк, который согреет разве что лампу в коридоре. А у третьего пустота, не злая и не чёрная, а просто пустая комната, из которой вынесли всё. Из такого не вытянешь ничего, хоть пропусти его через десять резонаторов, останется только пыль.

— А как отличить одну душу от другой?

— Пальцами и головой, потому что тело врёт, бумаги врут, даже память врёт, а пустота не врёт. Она всегда одинаковая и тихая, как будто слушаешь комнату, из которой вынесли всё. И запомни: чем сильнее душа, тем дороже, но и тем опаснее. Сильная душа не хочет в кварц, она бьётся, кричит, иногда убивает того, кто пытается её вскрыть. Потому и платят нам, щупачам, не за жалость, а за точность. В Кредисе любят говорить, что у каждого есть душа, и это красиво, но неправда. У некоторых есть только место, где она должна была быть, а у некоторых такая, что за ней придут раньше, чем за телом.

— И что с ними делают?

— С сильными душами поступают просто: их покупают, а иногда забирают силой. С пустыми от рождения не делают ничего, потому что они никому не нужны, разве что как рабочая сила, пока живы.

Грегор снял руку с её плеча.

— Вот поэтому ты и должна чувствовать разницу: не всякая смерть товар, но всякий товар когда-нибудь становится смертью.

Открыв глаза, воспоминание растаяло, оставив после себя привкус горечи. Грегор был прав. За пятнадцать лет практики она насмотрелась на такое, что обычному человеку не приснится и в кошмаре. Она касалась сердечников, в которых души умирали в агонии, разорван-

ные на части неправильно настроенными резонаторами. Она чувствовала боль, страх, ярость, оставшиеся в кварце после насильственной смерти. Видела, как люди теряли рассудок, пытаясь заглушить голоса, звучащие из сфер. Но продолжала держаться. Потому что больше ничего не умела. Потому что эта работа была её единственным капиталом. Если она его потеряет, от неё ничего не останется.

Она оделась в свою обычную рабочую одежду. Темно-серое шерстяное платье строгого покроя, высокие ботинки на шнуровке с усиленными носками (необходимая мера предосторожности при работе на местах аварий), плотная куртка с множеством карманов для инструментов. На левый рукав куртки был нашит знак Гильдии Менял Душ. Стилизованные весы, чаши которых имели форму человеческих глаз. Только её весы были серебряными. Не золото Кредиторов и не бронза нотариусов. Серебро означало аудиторский корпус, который тщательно всё проверяет, а не просто заключает сделки.

Выйдя из дома, Елена попала в предрассветный сумрак улицы. Навстречу ей, откуда-то со стороны канала, шёл сосед. Елена знала его в лицо много лет, хотя они редко разговаривали. Звали соседа Сергей. Когда-то он работал в литейном цехе, теперь был на пенсии, жил один и каждое утро выгуливал свою собаку.

Собака была крупная, рыжая, лохматая, без породы. Звали её Ози. Одну переднюю лапу псу заменял грубый механический протез, который тихо поскрипывал при ходьбе. Ози ступал уверенно, словно железо было его собственной костью. Сергей держал поводок в одной руке, а в другой короткую палку, которую собака время от времени пыталась отнять.

— Лена? Ты чего ни свет ни заря? Опять на службу?

— Доброе утро, Сергей. Да, дела.

— Дела-дела... — Он покачал головой. — Знаю тебя с тех пор, как ты вот такая вот была. С папками бегала. Всё одна да одна. И всё никого. Неужели только о работе и думаешь?

— Мне одной хорошо.

— Ох, Лена... — Сергей потрепал Ози по холке. — Завела бы собаку, а? Глянь на него. Лапа железная, а душа живая. С ним и утро веселее. И вечер не такой пустой. Собака не предаст. Не то что люди.

Ози, словно поняв, что говорят о нём, поднял голову и посмотрел на Елену большими, влажными глазами. Механическая лапа тихо щёлкнула, когда он переступил с ноги на ногу.

— Может быть. Но пока у меня есть работа. Этого достаточно.

— Ну-ну. — Сергей хмыкнул и потянул поводок. — Смотри, не останься одна к старости. Работа работой, а живое тепло ничем не заменишь.

Он пошёл дальше, к своему дому. Ози семенил рядом, его металлическая лапа постукивала по булыжнику, как маленький молоток. Елена постояла мгновение, глядя им вслед, потом поправила воротник куртки и зашагала в сторону центра. Фонари ещё горели, их свет становился всё тусклее, над крышами уже начинала разливаться серая полоса рассвета.

В воздухе висел сложный запах, к которому она давно привыкла, но который приезжие из южных провинций находили удушающим. Пахло горячим металлом из круглосуточно работающих литейных печей, едким дымом от сжигания отходов и машинным маслом, которым обильно смазывали бесчисленные механизмы, и кисловатой гнилью, поднимавшейся от сточных канав, куда сбрасывали отходы со всего квартала. Ещё пахло тонким, почти неуловимым ароматом воска, доносившимся от храма Менял, возвышавшегося своей белой громадой в нескольких кварталах отсюда. Воск использовали в ритуалах очистки. Его запах был здесь знаком высшей власти, напоминанием о том, что даже воздух в этом городе кому-то принадлежит.

Улица уже оживала. Подмастерья часовщиков в промасленных фартуках спешили к открытию мастерских. Разносчик воды толкал перед собой тяжёлую тележку с бочонками. Мусорщик в кожаном плаще с капюшоном подцеплял длинным крюком кучи отходов, сваленные у сточных канав, и густой запах гнили тянулся за его тележкой, расплзаясь по улице.

По мостовой прогрохотала конка. Рельсовый экипаж, запряжённый парой тягловых големов, тащился к центру. Немногочисленные пассажиры дремали на жёстких скамьях, укрывшись от утренней сырости. Елена проводила её взглядом. Можно было доехать до Офиса за медяк, но она предпочитала ходить пешком. Так думалось лучше.

У ворот литейного цеха номер три, что стоял чуть дальше по улице, собралась группа рабочих. Смена должна была начаться ещё час назад, но после вчерашнего обрушения моста ввели дополнительные проверки оборудования. Цех пока не открывали. Люди не расходились, ворчали, кто-то уже начал стучать по закрытым створам.

Елена как раз поравнялась с ними, когда к воротам подошёл утренний патруль городской стражи. Впереди шагал сержант, за ним двое рядовых с дубинками. Следом двигался боевой голем, тяжело ступая по булыжнику. Голем был собран из тускло поблёскивающих металлических пластин, скреплённых заклёпками. Человека напоминал лишь отдалённо. Массивный торс, длинные руки, достававшие до колен, маленькая голова с единственной кварцевой линзой вместо глаз. В груди у него мерно гудел сердечник. От каждого шага по мостовой разбегалась лёгкая дрожь.

Сержант что-то негромко приказал. Голем вытянул руку. Из встроенного в ладонь излучателя вырвался короткий ослепительный сноп пламени, рассёк воздух и с шипением врезался в грудь металлолома у стены цеха. Вспышка на мгновение осветила улицу, рабочие шарахнулись враспынную. Елена прищурилась и проводила патруль взглядом. Она знала, что это предупредительный выстрел, призванный напомнить, что стража вооружена не только дубинками. Следующая вспышка может полететь не в металлолом.

Боевые големы были редкостью в этом районе. Их чаще использовали для подавления бунтов в Безымянном квартале или охраны Большого Колеса. То, что одного из них направили сюда, свидетельствовало об обеспокоенности Гильдий.

Елена пошла дальше. Она знала этот маршрут наизусть, каждый его булыжник, каждую выбоину в мостовой. Знала, что у мастерской зеркальщика всегда пахнет аммиаком. Что нищий, сидящий у входа в переулок Позолотчиков, не настоящий калека, а нанятый кем-то соглядатай. Его якобы отсутствующая нога на самом деле подогнута под рваным плащом. Все эти детали оседали в её памяти, не требуя сознательного анализа. Её разум работал как накопитель, постоянно пополняя картину мира новыми мазками.

Поворот. Перед ней выросла громада Главного Офиса Гильдии Менял Душ. Здание построили двести лет назад. С тех пор оно неоднократно достраивалось и перестраивалось, пока не превратилось в причудливый конгломерат архитектурных стилей и эпох. Первоначальное ядро, сложенное из массивных блоков белого известняка, всё ещё угадывалось в центре. К нему с течением времени приросли крылья из красного кирпича, пристройки из серого гранита, башни, увенчанные медными куполами. Новейшей частью был стальной каркас с огромными окнами, за которыми располагались операционные залы для массовых сделок. Над главным входом висел барельеф знакомых весов с глазами, вырезанный из чёрного дерева и инкрустированный перламутром. Глаза следили за каждым, кто приближался к ступеням.

Елена миновала главный вход, предназначенный для клиентов и просителей, свернула в боковой проезд, где находился служебный вход для сотрудников. У тяжёлой дубовой двери стоял привратник в серой ливрее. Привратник узнал Елену и молча отступил, пропуская её внутрь. Звали его Пётр, служил здесь уже тридцать лет. За это время научился безошибочно определять настроение и статус каждого входящего по едва уловимым признакам. С Еленой всегда был подчёркнуто нейтрален. Она не принадлежала к числу тех, перед кем заискивают, но и не к тем, на кого можно смотреть свысока. Она была аудитором. Это ставило её в особое положение.

Внутри здания царил вечный полумрак, разбавленный светом редких ламп. Коридоры здесь были узкими и с низкими сводами, стены обшиты тёмными деревянными панелями, впи-

тавшими за десятилетия запахи старой бумаги. Под ногами глухо звучали каменные плиты пола. Елена поднялась по винтовой лестнице на четвёртый этаж, где располагался Аудиторский корпус. В отличие от роскошных апартаментов Кредиторов, отделанных бархатом и позолотой, здесь всё было функционально и аскетично. Голые каменные стены, простая деревянная мебель, стеллажи, забитые папками с делами. Воздух стоял спёртый, с примесью бумажной пыли и чернильного запаха.

Её кабинет был маленькой комнатой в конце коридора. Единственное окно выходило во внутренний двор-колодец, куда никогда не заглядывало солнце. На подоконнике лежал слой копоти. Елена зажгла настольную лампу. Старый механизм с затемнённым стеклянным абажуром, внутри которого тлел осколок сердечника. На столе лежала стопка бумаг, доставленная вчера вечером из канцелярии. Сверху был приколот листок с надписью «Дело № 1784-А. Обрушение Железного Моста. Назначенный аудитор Елена из Дома Оценщиков».

Она вздохнула и потянулась к верхнему документу. Её длинные, тонкие пальцы с коротко остриженными ногтями скользнули по шершавой поверхности бумаги. Бумага была дешёвой и с ворсинками, цеплявшимися за кожу. Чернила немного расплылись от сырости.

Из предварительного рапорта следовало, что катастрофа произошла вчера, в три часа семнадцать минут пополудни. Железный Мост, соединявший промышленный район с торговым кварталом, обрушился в канал. В момент обрушения по мосту двигался плотный поток транспорта. Грузовые телеги, запряжённые тягловыми големами, пассажирские кареты, пешеходы. Точное число жертв ещё уточнялось, но по предварительным оценкам погибло не менее трёхсот человек. Мост построили сорок один год назад по проекту тогдашнего Главного Калибровщика, мастера Берхарда. Основой конструкции служили четыре опоры, в каждую из которых был вмурован чугунный цилиндр с печатью «Прочности». Эти цилиндры питались от сердечников с душами, которые должны были обеспечивать структурную целостность моста. По регламенту замена сердечников требовалась каждые десять лет. Последняя задокументированная замена была произведена восемь лет назад. Ответственным за обслуживание был мастер-часовщик Гаспар Нокс из цеха Мостовых Укреплений.

Отложила рапорт и откинулась на спинку стула. Восемь лет. Значит, формально срок замены ещё не вышел. Но сердечники должны были оставаться в удовлетворительном состоянии. Если они выгорели раньше срока, это указывало либо на брак самих душ, либо на неправильную эксплуатацию механизма. В любом случае кто-то нес за это ответственность. Теперь Менялам, поставлявшим души, а также Часовщикам, обслуживавшим мост, предстояло выяснить, кто именно этот «кто-то». Вернее, не выяснить, а возложить вину на противную сторону. Так бывало всегда. Аудитор же требовался для того, чтобы создать видимость объективного расследования, результаты которого, впрочем, можно будет интерпретировать в нужную сторону, если аудитор окажется сговорчивым. Или проигнорировать, если не окажется.

Елена прекрасно понимала правила этой игры. Она работала в Аудиторском корпусе уже одиннадцать лет, если не считать время работы помощником. За это время расследовала десятки аварий, случаев мошенничества и нарушений регламента. Её отчёты редко кому нравились, потому что она имела обыкновение писать в них правду. Это не принесло ей ни богатства, ни высоких покровителей. Но создало репутацию, которой она дорожила больше всего. Её ценили как честного и дотошного специалиста, которого невозможно подкупить или запугать. Из-за этого её и назначали на самые сложные и взрывоопасные дела, когда обе стороны хотели не столько сокрыть правду, сколько использовать аудит как дубину против оппонентов. В таких случаях честный аудитор был удобен. Его выводы, какими бы нелюбезными они ни были, можно было предъявить противнику.

Она снова взяла рапорт. К нему прилагалась схема моста, выполненная тушью на плотной бумаге. Разложила чертёж на столе и принялась изучать. Мост был арочной конструкции, с тремя основными пролётами. Четыре опоры обозначались литерами А, Б, В и Г. Опоры А и

Г были береговыми, Б и В русловыми, стоявшими непосредственно в воде. Сердечники установили в основании каждой опоры, в специальных герметичных камерах. Схема показывала также расположение магистральных линий, соединявших сердечники с печатями в теле моста. Это была сложная сеть из медных жил и кварцевых резонаторов, по которой энергия душ распределялась по всей конструкции.

Прикрыла глаза и попыталась представить себе этот мост. Она проходила по нему много раз. Широкий, с проезжей частью, вымощенной брусчаткой, с пешеходными дорожками по бокам, огороженными чугунными перилами. По вечерам на столбах зажигались фонари. Под мостом, в его каменном чреве, должны были тихо гудеть механизмы, поддерживающие печать прочности. Этот гул был знаком каждому жителю Кредиса. Низкий, успокаивающий звук, сливавшийся с общим хором города. Теперь вместо него была тишина и груды искорёженного металла на дне.

В дверь постучали. Елена открыла глаза.

— Войдите.

Дверь отворилась. На пороге стоял молодой клерк, бледный, с капельками пота на лбу.

— Госпожа аудитор. Вас ожидают в зале совещаний. Господин Магистр Корнель и представители Гильдии Часовщиков прибыли.

Елена кивнула.

— Скажите, что я сейчас буду. Ещё принесите мне сводку погоды за вчерашний день и сводку сейсмической активности за последний месяц.

Клерк удивлённо моргнул, но спорить не стал. Он исчез за дверью, а Елена встала и подошла к узкому зеркалу, висевшему на стене. Из глубины стекла на неё смотрела женщина с острыми, резкими чертами лица. Тонкие губы, прямой нос, высокие скулы. Тёмные волосы, убранные в тугой узел на затылке, уже тронутые сединой на висках. Глаза светло-серые, почти бесцветные при тусклом свете лампы, но цепкие и внимательные. Взгляд человека, который привык замечать то, что другие предпочитают не видеть. Она одёрнула куртку, захватила папку с делом и вышла из кабинета. Ей предстояло встретиться с теми, кто уже, без сомнения, подготовил свои версии произошедшего. Ей нужно было быть готовой услышать в их словах то, о чём они умолчат.

Коридор четвёртого этажа был пуст. Елена спустилась по лестнице на второй этаж, где находились представительские залы. Чем ближе она подходила, тем громче становились голоса за дверью. Спор уже кипел.

Зал совещаний находился на втором этаже, в представительской части здания. За дверью ещё слышались голоса. Елена на мгновение задержалась, прижав папку к груди, и прислушалась.

— ...ваши «независимые эксперты», это два подмастерья, которых выгнали из цеха за пьянство! — гремел знакомый голос. — Я требую, чтобы анализ сердечников проводила наша лаборатория!

— Чтобы вы там всё подчистили? — ответили ледяным тоном. — Нет уж. Мы привлечём городскую инспекцию. Пусть незаинтересованная сторона подтвердит, что души из вашего хранилища мусор.

— Незаинтересованная сторона в Кредисе? — вклинился сухой женский голос. — Советник, вы меня смешите. У городской инспекции уже полгода нет главы, потому что вы трижды блокировали назначение.

— Потому что вы предлагали своих марионеток!

— Господа! — резкий окрик Корнеля перекрыл шум. — Аудитор уже здесь.

Дверь распахнулась. Елена вошла, делая вид, что ничего не слышала.

Это была просторная комната с высокими окнами, выходившими на парадный двор. В отличие от аскетичного четвёртого этажа, здесь всё говорило о богатстве и власти Гильдии.

Стены затянуты тканями гобеленами с изображениями сцен из истории Кредиса. Подписание Первого Договора между Менялами и Часовщиками, закладка Большого Колеса, битва при Ржавом Холме, где боевые големы решили исход войны с северными варварами. Пол устилал толстый ковёр, заглушавший шаги. Посередине стоял длинный овальный стол красного дерева, окружённый тяжёлыми креслами с высокими спинками.

Когда Елена вошла, за столом уже сидели пятеро. Трое были ей знакомы, двоих она видела впервые. Во главе стола, по центру длинной стороны, восседал Магистр Рамис Корнель. Ему было около шестидесяти лет, но выглядел он старше. Глубокие морщины изрезали его высокий лоб и впалые щёки. Редкие седые волосы зачёсаны назад. Одет в строгую чёрную мантию Кредитора высшего ранга, на груди висела тяжёлая золотая цепь с символом весов. Глаза у него были тёмные, глубоко посаженные, с тяжёлыми веками. Когда-то, много лет назад, именно Рамис Корнель взял молодую Елену под своё покровительство и обучил её основам аудиторского ремесла. Он был строгим и требовательным наставником, но никогда не пытался влиять на её выводы. По крайней мере, так ей тогда казалось.

По правую руку от Корнеля сидел Магистр Михаил, мужчина с красным лицом и пышными усами, глава Отдела Снабжения. По левую была сухая, похожая на цаплю, женщина в сером, Магистр Ирма, хранительница Архива Сделок. Оба они были высокопоставленными функционерами Гильдии, имели славу людей, умеющих обрабатывать дела, не оставляя следов. Их присутствие на совещании не сулило ничего хорошего. Это означало, что Гильдия намерена жёстко отстаивать свои интересы.

Напротив Корнеля, через стол, сидели двое из Гильдии Часовщиков. Один пожилой, с седой бородой и мозолистыми руками мастерового. На его серой рабочей куртке был нашит знак скрещённых гаечных ключей, эмблема цеха Мостовых Укреплений. Второй моложе, лет сорока, с холёным, надменным лицом и холодными голубыми глазами. Он был одет не в рабочую куртку, а в строгий сюртук из тонкого сукна. Знак на его воротнике изображал не просто ключи, а ключи, вписанные в шестерню, знак Административного Аппарата Часовщиков. Очевидно, это был кто-то из приближённых Главного Калибровщика.

Чуть поодаль, в дальнем торце слева, сидел молодой клерк с блокнотом. Он что-то торопливо записывал, не поднимая головы. Его присутствие не вызывало ни у кого вопросов, на таких совещаниях всегда кто-то ведёт протокол. Елена машинально отметила его, но тут же забыла о нём, переключив внимание на спорщиков.

Все замолчали и повернули головы в её сторону. Она прошла к столу и села в торце, по левую руку от Корнеля. Место Елены оказалось особым. Не среди своих, но и не на стороне визитёров. Так традиционно садился аудитор.

Магистр Корнель слегка кивнул ей. В его тёмных глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на теплоту.

— Госпожа аудитор Елена, благодарим, что присоединились к нам. Позвольте представить вам наших коллег из Гильдии Часовщиков. Мастер-смотритель Феликс (он указал на седобородого мастерового) и господин Советник Гельмут из Административного Совета.

Советник Гельмут слегка склонил голову, не меняя выражения лица. Мастер Феликс просто кивнул, глядя на свои руки.

— Цель нашего собрания, — продолжил Корнель, — предварительное обсуждение обстоятельств катастрофы на Железном Мосту. Как вы понимаете, это дело имеет исключительную важность для обеих Гильдий. Город взбудоражен. Жители требуют ответов. Эти ответы должны быть даны быстро и недвусмысленно.

— Не было никакой катастрофы, — резко произнёс Советник Гельмут. Его голос был сухим. — Была диверсия. Или по меньшей мере преступная халатность поставщиков. Это брак. Причём ваш, господа Менялы. Вы понимаете, что такие сердечники ставят не только в мосты? Боевые големы городской стражи, доспехи рыцарей, башенные орудия, всё это пита-

ется душами. Если вы поставляете негодное, то под ударом окажется не только транспортная артерия, но и обороноспособность Кредиса. Когда в следующий раз толпа в Безымянном квартале пойдёт на штурм, а големы встанут посреди улицы с пустыми сердечниками, кто будет отвечать? Вы, Магистр Михаил? Или ваша Гильдия в целом?

Магистр Михаил побагровел и стукнул ладонью по столу.

— Это наглая ложь! Наши души проходят тройную проверку перед установкой. Каждый сердечник, покидающий стены Хранилища, имеет сертификат качества за подписью трёх независимых оценщиков. Мы не поставляем брак! Это ваши люди, господин Гельмут, не провели своевременную замену, теперь пытаются переложить вину на нас!

— Сертификаты можно подделать, — холодно возразил Гельмут. — А вот механизмы не лгут. Я готов предоставить отчёт наших экспертов. Выгорание неравномерное, с характерными признаками. Это не естественный износ. Такое происходит, когда в сердечник заключена душа низкой ёмкости, возможно, уже бывшая в употреблении. Переупакованная, проще говоря.

В зале поднялся гул. Магистр Ирма что-то зашептала на ухо Корнелю. Михаил продолжал возмущаться, брызгая слюной. Мастер Феликс сидел, опустив голову. Елена наблюдала за ними, переводя взгляд с одного лица на другое. Она не вмешивалась. Её задача сейчас была не спорить, а слушать и запоминать. Кто что говорит, как говорит, куда смотрит. Гельмут был слишком спокоен, слишком уверен. Он явно пришёл сюда не для диалога, а для ультиматума. Михаил, наоборот, был искренне взбешён, но его возмущение могло быть и защитной реакцией на правду. Феликс, напротив, хранил молчание и смотрел на свои руки. Это было интересно. Что он знает такого, чего не хочет произносить вслух?

Магистр Корнель поднял руку и призвал к тишине.

— Господа, прошу вас. Мы собрались здесь не для того, чтобы обмениваться обвинениями. Для установления истины назначен аудитор. Госпожа Елена, вы ознакомились с предварительными материалами дела?

Елена кивнула.

— Да, Магистр Корнель. Я изучила рапорт и схему моста.

— Каковы будут ваши первоочередные действия?

— Мне необходимо осмотреть место катастрофы лично. Изучить обломки, извлечь уцелевшие сердечники, если это возможно. Провести тактильную диагностику, — ответила она ровным, бесцветным голосом. — Только после этого я смогу сделать какие-либо предварительные выводы.

Советник Гельмут усмехнулся.

— Тактильная диагностика, — протянул он с откровенной издёвкой. — Ах да, наслышан. Это у вас, Менял, есть такие специалисты, «щупачи», кажется? Они на ощупь определяют, сколько душа прожила и что ела на завтрак. Впечатляет непосвящённых, но к серьёзному расследованию имеет такое же отношение, как гадание на кофейной гуще.

Феликс неловко кашлянул. Михаил побагровел ещё сильнее, уже открыл рот, но Елена опередила его, слегка подняв ладонь.

— Знаете, господин советник, — произнесла она всё тем же ровным тоном, разглядывая свои пальцы, — когда я нахожу бракованный сердечник, я не «гадаю». Чувствую то, что чувствовала душа внутри. Холод. Боль. Иногда ужас от того, что её разрывают на части, чтобы скормить прожорливому механизму. — Она подняла глаза на Гельмута. — Это, согласитесь, несколько точнее кофейной гущи. А ещё, в отличие от ваших экспертов, я не беру взятки. Мне это просто неинтересно.

В зале повисла тишина. Гельмут сузил глаза, его усмешка стала жёсткой.

— Вы забываетесь, аудитор.

— Нет, я помню своё место. — Елена чуть склонила голову. — Оно между вами и правдой. Я намерена там оставаться, сколько бы вы ни ворчали.

Мастер Феликс вдруг фыркнул в бороду, попытался скрыть это за кашлем, покраснел. Корнель тяжело вздохнул и потёр переносицу, но в уголках его глаз мелькнуло что-то похожее на усталую гордость.

Елена продолжила, ведь её действительно задели слова, сеющие сомнения в навыках анализа и глубокого понимания устройства сердечников.

— Это единственный метод, который позволяет оценить качество души без разрушения сердечника. Если вы предпочитаете вскрытие механизма с полным уничтожением улики, я могу ходатайствовать об этом перед Советом. Но тогда мы никогда не узнаем наверняка, что было внутри.

Гельмут поджал губы и ничего не ответил. Корнель снова вмешался.

— Решено. Госпожа Елена получает полный доступ на место крушения и ко всем вещественным доказательствам. Мастер Феликс, вы обеспечите аудитору сопровождение и техническую поддержку со стороны вашего цеха. Надеюсь, это не вызовет возражений у Гильдии Часовщиков?

Гельмут дёрнул плечом.

— Пусть смотрит. Нам скрывать нечего. Но я настаиваю на том, чтобы при осмотре присутствовал независимый эксперт с нашей стороны.

— Разумное требование, — согласился Корнель. — Госпожа Елена?

— У меня нет возражений. Чем больше глаз, тем меньше вероятность ошибки.

На этом совещание закончилось. Все поднялись со своих мест. Гельмут поднялся первым, одёрнул сюртук. Проходя мимо Елены, на мгновение задержался. Наклонившись к самому её уху, тихо, чтобы не слышали остальные, произнёс.

— Я бы на вашем месте не слишком полагался на свой дар, госпожа аудитор. Пальцы, знаете ли, вещь хрупкая. Их можно сломать. — Он не стал дожидаться ответа, зашагал к двери, бросив через плечо уже громче. — Мастер Феликс, вы идёте?

Феликс виновато взглянул на Елену, пожал плечами, засеменял следом. Магистр Корнель задержался, когда остальные вышли, подошёл к Елене.

— Я хотел бы переговорить с вами наедине. Зайдите ко мне в кабинет через час.

Елена кивнула и вышла. В коридоре её догнал запыхавшийся клерк с бумагами в руках.

— Госпожа аудитор, вот сводки, которые вы просили.

Она взяла листы, быстро пробежала их глазами. Погода вчера была сухой и безветренной. Сейсмическая активность нулевая. Значит, никаких внешних факторов, которые могли бы способствовать обрушению.

Елена сунула кальку в папку, чтобы более детально её изучить. До разговора с Корнелем оставался час, тратить его на пустое ожидание она не собиралась. Направилась в архив Аудиторского корпуса, комнату без окон, заставленную стеллажами с папками прошлых расследований. Её интересовало всё, что касалось мостов и цеха Мостовых Укреплений за последние десять лет.

В архиве не было посетителей. Только в углу, привалившись к стопке пыльных папок, дремал старый архивариус Григорий. При появлении Елены он вздрогнул и сделал вид, что перебирал бумаги.

— Госпожа аудитор! — Он поправил очки. — Я как раз раскладывал дела по алфавиту.

— По алфавиту? — с сомнением посмотрела на хаотичную грудку папок, сваленных у его стула. — И на какой же букве вы остановились?

Григорий проследил за её взглядом и виновато пожал плечами.

— На букве «С». Сон...

— Не осуждаю, с документами порой и правда работать довольно утомительно, — согласилась Елена. — Мне нужны дела по цеху Мостовых Укреплений за последние десять лет.

Ещё отчёты о всех авариях на мостах, даже мелких. Мне нужно это как можно скорее, я буду ожидать у себя.

Григорий вздохнул, но поднялся, зашаркал между стеллажами. Оставив его, прошла в свой кабинет. Там, разложив на столе полученные от клерка сводки погоды и сейсмической активности, она принялась за методичное сравнение дат. Никаких аномалий. В день обрушения ветер был слабым, дождя не было, подземных толчков не фиксировали уже несколько месяцев. Выходит, мост рухнул не из-за стихии, а из-за того, что происходило внутри него.

Она откинулась на стуле и позволила себе короткую передышку. Мысли возвращались к советнику Гельмуту. Слишком уверен и на редкость агрессивен. Его угроза «пальцы можно сломать» была не пустой бравадой. Елена машинально пошевелила пальцами правой руки, затем левой. Её дар требовал целости. Без него она просто дотошная женщина с неудобным характером.

Минут через двадцать зашёл Григорий с охапкой папок. Она быстро пролистала их, выискивая закономерности. За последние восемь лет в цехе Мостовых Укреплений сменилось три мастера-смотрителя. Двое ушли на покой, третий, Гаспар Нокс. При нём количество мелких аварий на мостах выросло вдвое, но все они списывались на «естественный износ». Заключение инспекции были одинаковыми: «нарушений не выявлено».

Елена закрыла последнюю папку и посмотрела на хронометр. Уже скоро встреча с Корнелем. Она собрала бумаги, заперла их в стальном шкафу и направилась в кабинет Магистра. По дороге мысленно повторила всё, что знала. Фактов было мало, но подозрений хоть отбавляй. Всё это собиралась высказать ему.

Спустя пару минут она сидела в кабинете Магистра Корнеля. Это была большая угловая комната с панорамными окнами. Из них открывался вид на площадь Кредиторов, где журчали фонтаны и стояли лавочки. В отличие от зала совещаний, здесь было мало роскоши. Голые белые стены, стеллажи с книгами и папками, массивный письменный стол, заваленный бумагами. Единственным украшением служил старый, потемневший от времени портрет основателя Гильдии, Первого Кредитора, изображённого в полный рост, с весами в одной руке и кварцевым сердечником в другой.

Корнель сидел за столом, сцепив пальцы перед собой. Выглядел он уставшим.

— Я не буду ходить вокруг да около, Лена, — произнёс он, и в его голосе не было прежней официальной холодности. Он обращался к ней по имени, как в старые времена, когда она была его ученицей. — Это дело худшее из того, с чем нам приходилось сталкиваться за последние годы. Мост рухнул в час пик, унеся сотни жизней. Для нас это не рядовая авария, а удар по репутации обеих Гильдий. Что ещё хуже, это создаёт угрозу стабильности всего Кредиса.

Он помолчал, глядя куда-то в окно, поверх её плеча.

— Ты слышала, что говорят на улицах? Люди напуганы. Они больше не доверяют механизмам. Некоторые кварталы уже отказываются платить городской налог, утверждая, что их дома небезопасны. Если мы не найдём виновных, не покараем их быстро и публично, начнутся волнения. Ты понимаешь, о чём я?

— Понимаю, — ответила Елена. — Но вы, кажется, уже знаете, кого именно нужно покарать?

Корнель слабо усмехнулся.

— Ты всегда была проницательной. Да, Совет Гильдии склоняется к тому, чтобы признать виновной сторону Часовщиков. Конкретно, цех Мостовых Укреплений. Мастер Феликс, которого ты видела, хороший инженер, но плохой управленец. Его цех за последние годы неоднократно срывал сроки обслуживания. Есть документальные подтверждения. Если ты в своём отчёте укажешь на халатность с их стороны, это будет самым простым и логичным решением.

Елена молчала. Она чувствовала, куда он клонит.

— Я не прошу тебя лгать, — продолжил Корнель, словно угадав её мысли. — Я лишь прошу тебя учесть... политический контекст. Если ты найдёшь доказательства того, что в катастрофе виноваты Часовщики, это позволит нам решить проблему с минимальными потерями. Если же ты, не дай бог, раскопаешь что-то, что бросит тень на нашу Гильдию... последствия могут быть непредсказуемыми. Для всех нас.

— То есть вы просите меня провести не объективное расследование, а целенаправленный поиск вины Часовщиков, — произнесла Елена тем же ровным тоном.

— Я прошу тебя быть реалисткой. Правда, Лена, не всегда то, что написано в отчётах. Иногда правда — это то, что позволяет сохранить мир и порядок. Ты ведь знаешь не хуже меня.

— Я знаю, Магистр Корнель, что мир и порядок, построенные на лжи, рушатся гораздо быстрее, чем Железный Мост. — Она помолчала, затем подалась вперёд. — Но раз уж вы заговорили о реализме, позвольте и мне быть реалисткой. Я изучила рапорт. Четыре сердечника установлены восемь лет назад при норме замены в десять лет. Даже с поправкой на нагрузку они не могли истощиться до критического уровня все разом. Это технически невозможно, если только кто-то намеренно не вмешался в их работу.

Корнель не ответил. Его лицо осталось неподвижным, но пальцы, сцепленные на столе, слегка побелели.

— Ещё меня настораживает Советник Гельмут, — продолжила Елена. — Он явился на совещание с готовым обвинением. Он не искал причин, он искал виноватых. Очень настойчиво пытался убедить всех, что проблема в бракованных душах, хотя экспертиза ещё не проводилась. — Она выдержала паузу. — Как по-вашему, на что это похоже?

— На политическую игру, — нехотя произнёс Корнель. — Гельмут всегда был политиком.

— Или на попытку отвести подозрения от кого-то ещё. — Елена встала. — Я не знаю, кто за этим стоит. Но я намерена выяснить. Когда я это сделаю, то напишу правду в отчёте. Независимо от того, кому это понравится или не понравится. Спасибо за совет. Я учту его. Но следовать ему не стану. Вы ведь знали это с самого начала, верно?

Он направил на неё долгий, задумчивый взгляд, в котором читалась не злость, а скорее глубокая печаль.

— Знал, — сказал он едва слышно. — Поэтому боялся за тебя и гордился тобой одновременно. Иди, Лена. Будь осторожна. Особенно с Гельмутом.

Елена поднялась. Корнель не пытался её остановить. Выйдя из кабинета, аудитор направилась прямо к выходу из здания. Решила немедленно отправиться на место крушения, пока туда ещё не наведальсь другие заинтересованные лица. Требовался личный осмотр. Нужно было коснуться обломков и сердечников. Только так можно было узнать правду. А правда, как Елена давно для себя решила, стоила усилий. Даже если эта борьба была заранее проиграна.

Она спустилась по чёрной лестнице и вышла в боковой проезд. Улица встретила её привычным гулом. Поправила воротник и зашагала в сторону канала. До места катастрофы было не меньше получаса ходьбы. Ей нужно было время, чтобы собраться с мыслями и отстраниться от липкого осадка, оставшегося после разговора с Корнелем. Слова наставника всё ещё звучали в голове. Она методично, слой за слоем, убирала их в дальний угол сознания. Как старые дела в архив. Силы уже не имеют и уничтожить нельзя.

Улицы, ведущие к каналу, перекрыли кордоны городской стражи. Люди в стальных нагрудниках и шлемах, вооружённые короткими дубинками и свистками, пропускали только жителей близлежащих домов и должностных лиц. Елена предъявила серебряный знак аудитора. Её пропустили без лишних слов.

За кордоном воздух стал другим. К привычной смеси городских запахов добавился новый, резкий и неприятный. Запах ила со дна канала, перемешанного с машинным маслом и ржавчиной. К этому примешивалось что-то ещё. Елена почувствовала его не обонянием, а

скорее кожей. Едва уловимое покалывание. Присутствие остаточной магической энергии, всё ещё сочившейся из разрушенного механизма.

Сам мост представлял собой чудовищное зрелище. Два центральных пролёта обрушились в воду, увлекая за собой телеги и десятки людей. Береговые опоры А и Г стояли, но были покрыты сетью трещин. Железные балки, вырванные из каменной кладки, торчали в разные стороны, как сломанные кости гигантского зверя. Часть брусчатки проезжей части висела над водой, удерживаемая только чудом и арматурными прутьями. На поверхности канала медленно покачивались обломки дерева, обрывки ткани, плавали пятна масла. Несколько малых спасательных лодок всё ещё сновали между обломками. Было очевидно, что поиск живых уже завершён. Теперь работали водолазы в тяжёлых медных шлемах, поднимавшие тела со дна.

На берегу стоял тягловый голем, похожий на огромного железного краба. У него было четыре руки-манипулятора. Голем мерно гудел, поднимая из воды обломки балок. Елена заметила, что одна из его рук двигалась рывками, а вторая и вовсе безвольно висела. Сердечник явно истощался.

У временного навеса её встретил мастер Феликс. Выглядел он ещё более подавленным, чем в зале совещаний. Седую бороду всклокочило, глаза покраснели. То ли от бессонницы, то ли от дыма.

— Госпожа аудитор. Я распорядился, чтобы обломки опор Б и В пока не трогали. Но водолазы уже подняли несколько сердечников из воды. Они вон там, под тентом.

Направилась к столам, но на полпути остановилась и обернулась к руинам. Взгляд сам собой скользнул по искорёженным балкам. Потом на берега канала и то, как далеко друг от друга они находились.

— Мастер Феликс, — произнесла она задумчиво. — Всё хотела спросить. Я понимаю, зачем печати прочности ставят на купола или башни. Но это ведь просто мост. Люди строили мосты без всякой магии за тысячи лет до нас. Зачем они понадобились здесь?

Феликс подошёл и встал рядом, проследив за её взглядом.

— Видите длину центрального пролёта? Двести метров без единой промежуточной опоры. В старые времена, чтобы перекрыть такое расстояние, строили арки толщиной с дом. Но когда прокладывали этот канал, требовалась широкая судоходная полоса. Поэтому архитектор, мастер Берхард, предложил революционное решение. Облегчённую каменную арку, стянутую магическими печатями прочности. Они работают как невидимые тросы. Связывают блоки в единое целое, гасят колебания от нагрузки, не дают мосту трескаться.

— То есть мост без печатей просто развалился бы под собственным весом? — уточнила Елена.

— Не сразу, но да. Пошли бы микротрещины. Через год-два он стал бы опасен. Через пять уже непригоден. А с печатями он должен был стоять века. Если бы их вовремя меняли. — Феликс тяжело вздохнул и кивнул в сторону стола под тентом. — Пойдёмте, покажу сердечники.

Она кивнула, бросив последний взгляд на руины. Теперь Елена понимала. Тот, кто истощил печати, знал, что делал. Он убивал мост не грубой силой, а отняв у него невидимый скелет. Ждал, когда камень не выдержит.

Простой брезентовый тент натянули на деревянные стойки. Под ним на грубых деревянных столах лежали предметы, извлечённые из воды. Искорёженные детали механизмов, куски медной проводки, три цилиндрических предмета, каждый размером с человеческое предплечье. Те самые чугунные цилиндры, в которых размещались сердечники. Два из них были сильно деформированы, один расколот пополам. Рядом, отдельно, лежали три кварцевых сферы, оплётённых металлической сеткой. Сердечники. Два из них были мутными, серыми, с явными признаками полного истощения. Третий, из опоры В, ещё слабо светился изнутри тусклым, желтоватым светом.

Елена подошла ближе. Пальцы слегка дрожали от предвкушения. Она сняла перчатки, которые носила на улице, и аккуратно положила их на край стола. Мастер Феликс и несколько его подмастерьев наблюдали за ней с почтительным любопытством. Слухи о «щупачах» ходили по городу разные. Большинство людей испытывали перед ними смешанное чувство уважения и суеверного страха. Считалось, что те могут не только определить качество души, но и почувствовать её боль, последние мгновения. В этих слухах была доля истины.

Протянула руку к первому сердечнику, тому, что был полностью серым. Кончики пальцев легко коснулись прохладной, гладкой поверхности кварца. Металлическая оплётка, выполненная в виде тонкой сетки, была шершавой, кое-где покрыта налётом окисла. Закрыла глаза и сосредоточилась.

Сначала ничего. Только физические ощущения. Температура поверхности, её текстура, микротрещины на кварце. Затем, как это всегда бывало, пришло «второе касание». Оно не было осязанием в обычном смысле. Скорее это было как эхо, отзвук, передававшийся через кончики пальцев прямо в глубину сознания. Елена ощутила пустоту. Этот сердечник был мёртв. Душа, некогда заключённая внутри, полностью выгорела, не оставив после себя ничего, кроме тончайшего слоя ржавой пыли на внутренних стенках. Но даже в этой пустоте была информация. Она ощутила, как именно умирала душа. Медленно, равномерно, без рывков и скачков. Так горит свеча в безветренной комнате. Ровно и спокойно. Это была нормальная, естественная смерть души-батарейки.

Убрала руку и перешла ко второму. Ощущения были почти идентичными. Та же пустота, ровное и предсказуемое выгорание. Эти две души умерли так, как им и было положено умереть. Отдав всю свою энергию на поддержание печати прочности. Качество душ было средним, но достаточным для выполнения задачи. Никаких признаков брака.

Елена нахмурилась. Если эти два сердечника были в порядке, то почему мост рухнул? Срок службы должен был истечь ещё через два года. Ёмкости должно было хватить.

Подошла к третьему. Тому, что ещё светился. Его свечение было неровным, пульсирующим. Осторожно взяла его в руки. Кварц был горячим, почти обжигающим, несмотря на то, что сердечник пролежал в холодной воде канала всю ночь. Это само по себе было аномалией. Выгорающая душа не генерирует тепло сама по себе. Жар идёт от механизма, который она питает. Но мост разрушен.

Приложила к сфере всю ладонь и замерла.

То, что пришло на этот раз, оказалось иным. Не плавное, спокойное угасание. Судорога. Агония. Энергия внутри не вытекала равномерно, а высасывалась рывками. Словно кто-то снаружи приложил огромный, ненасытный насос. Ощутила боль. Не свою, а отголосок чужой. В этом ощущении был ритм. Не равномерный, а циклический. Сначала долгая пауза. Затем резкий, мощный отток, от которого кварц вибрировал. А потом снова пауза.

Открыла глаза и медленно, очень осторожно положила сердечник обратно на стол. Пальцы дрожали. Она сжала их в кулак, чтобы скрыть это.

— Что-то не так, госпожа аудитор? — спросил Феликс, заметив её состояние.

— Этот сердечник был истощён искусственно, — сказала Елена. Голос прозвучал глухо, даже для неё самой неожиданно. — Кто-то подключился к силовому контуру моста и выкачал из него энергию. Не всю сразу, а порциями. Это произошло вчера, незадолго до обрушения. Первые два сердечника истощились сами. А этот нет. Его просто выкачали.

Мастер Феликс побледнел. Его помощники тревожно переглянулись.

— Но это невозможно, — пробормотал он. — Силовой контур моста замкнут и загерметизирован. Чтобы подключиться к нему, нужен специальный ключ-резонатор и доступ к распределительному узлу, который находился в опоре Б. А она сейчас разрушена.

— Значит, тот, кто это сделал, имел доступ к распределительному узлу, — ответила Елена. — У него был ключ-резонатор. Кто отвечал за обслуживание моста в последние месяцы?

— Мастер Гаспар Нокс. Он... он пропал. Мы не можем найти его со вчерашнего дня. Резко повернулась к Феликсу.

— Почему вы не сообщили об этом на совещании?

Старый мастер опустил глаза.

— Советник Гельмут запретил. Сказал, что это может быть истолковано как признание вины нашей Гильдии. Он надеялся, что тело Нокса найдут среди погибших. Тогда всё спишут на несчастный случай. Но его нет ни среди живых, ни среди мёртвых.

Внутри начала закручиваться тугая пружина гнева. Скрывать исчезновение ключевого свидетеля и главного подозреваемого было уже не просто нарушением процедуры, а прямым препятствованием расследованию.

— Мастер Феликс, — сказала она медленно, чеканя каждое слово. — Вы немедленно предоставите мне полный доступ к личному делу Гаспара Нокса, к журналам обслуживания моста за последние два года и к документации по всем ключам-резонаторам, выданным вашему цеху. Если вы этого не сделаете, я буду вынуждена указать в своём отчёте, что Гильдия Часовщиков намеренно саботирует расследование. Тогда репутационные потери для вас будут гораздо серьёзнее, чем от признания вины одного мастера.

Феликс сглотнул и кивнул.

— Я сделаю всё, что нужно. Но господин Гельмут...

— С господином Гельмутом я разберусь сама. Жду документы в моём кабинете завтра к утру.

Развернулась и пошла прочь от навеса к шатким деревянным мосткам, перекинутым спасателями через груды обломков. Ей нужно было увидеть опору Б, где находился распределительный узел. Именно оттуда, как она поняла по сердечнику, кто-то выкачивал энергию.

У кромки воды двое водолазов готовились к очередному спуску. Один из них, коренастый мужчина с обветренным лицом, заметил Елену и приветственно поднял руку.

— Госпожа аудитор! Вы вовремя. Мы тут кое-что нашли на дне. Не знаю, важно ли для вашего расследования, но...

— Что именно?

Покопался в брезентовом мешке и достал маленький, оплавленный кусочек металла, похожий на фрагмент монеты.

— Лежало прямо под опорой Б. В иле. Не из моста. Слишком лёгкий сплав. Может, кто-то из погибших имел при себе.

Елена взяла фрагмент. Кончиками пальцев она ощутила странную, прерывистую вибрацию. Словно металл хранил отголосок сильного испуга. Не душа, скорее эхо эмоции, впитавшееся в сплав. Так бывает с вещами, которые долго носили при себе.

— Я сохраню это, — сказала она, убирая находку в карман. — Спасибо. Ещё, если найдёте что-то похожее на ключ-резонатор или инструменты часовщика, немедленно сообщите мне. Не Феликсу и не Гельмуту. Лично мне.

Тот понимающе кивнул.

— Госпожа аудитор, туда нельзя! — окликнул её один из спасателей. — Конструкция нестабильна.

— Я ненадолго, — бросила через плечо. — Если мостки выдержали вас, то уж меня и подавно.

Мостки заскрипели под её шагами. Внизу, в мутной воде, ещё плавали обломки досок и маслянистые разводы. Елена дошла до края уцелевшего фрагмента опоры Б. Массивное каменное основание, от которого в воду уходили треснувшие блоки. Верхняя часть была разрушена, но нижняя, где находилась герметичная камера с механизмом, уцелела. Спасатели уже частично расчистили доступ.

Присела на корточки и заглянула в пролом. Внутри камеры, среди спутанных медных жил и обломков кварцевых резонаторов, угадывалось гнездо. Четвёртый цилиндр был на месте. Его не подняли вместе с остальными, потому что опора Б ещё лежала в завале и спасатели до нижней камеры не добрались. Кожух цилиндра треснул, как у того, что подняли последним. Сквозь трещину виднелся мутный кварц. Елена просунула руку в пролом, дотянулась до самого края, коснулась кварца кончиками пальцев. То же самое. Выгорание, доведённое до предела. Энергию выкачали и здесь. Вокруг гнезда, на металлических пластинах, темнели подпалины. Характерные следы перегрузки. Рядом, на оплётке одной из жил, блестели свежие царапины.

Протянула руку и коснулась царапин кончиками пальцев. Металл был холодным, но тактильная память уловила слабый, затухающий отзвук вибрации. Ритм рваный, как она ощутила в третьем сердечнике. Здесь явно орудовали неопытной рукой. Возможно, в темноте или в спешке.

Выпрямилась и оглядела камеру ещё раз. Никаких следов взлома снаружи. Крышка распределительного узла была аккуратно откручена, а не сорвана. Значит, у того, кто это сделал, был доступ и ключ-резонатор. Он знал, что делает. Почти.

— Что вы там нашли? — крикнул с берега Феликс.

— То же, что и в третьем. Выкачали всё, — отозвалась Елена, вытирая пальцы о полу куртки. — Но тот, кто это устроил, торопился. У него дрожала рука.

Она вернулась на берег и направилась к выходу с оцепленной территории. Теперь у неё было две зацепки. Следы спешки на узле и исчезнувший мастер. Пора было навестить его дом и найти Гаспара Нокса. Живого или мёртвого.

Елена почти не сомневалась, что он мёртв. Человек, способный на такое хладнокровное убийство сотен людей ради выкачки душ, не стал бы оставлять в живых сообщника. Но труп мог рассказать не меньше, чем свидетель. А иногда даже больше.

Елена вышла за кордон и остановилась на углу. Мимо прошла конка. Големы тянули её к центру, пассажиры дремали на скамьях, укрывшись от сырости. Проводила её взглядом и пошла дальше. Аудитор могла доехать до квартала Часовщиков за медяк, но предпочла нанять извозчика. Служебная карета Гильдии ждала её у чёрного хода Офиса, но возвращаться туда не хотелось. Слишком много глаз.

Подняла руку. Извозчик на облезлой карете, запряжённой старым големом, притормозил у тротуара. Елена назвала адрес и забралась внутрь. Пахло пылью и старой кожей. Голем мерно катился по булыжнику, карета вздрагивала на выбоинах. Аудитор откинулась на жёсткую скамью и закрыла глаза. Тряска убаюкивала, но она не позволяла себе расслабиться. Слишком многое нужно было обдумать.

Квартал Часовщиков разительно отличался от того места, где жила Елена. Здесь не было литейных цехов и мастерских с их дымом и грохотом. Улицы были чище, вымощены аккуратным булыжником. Дома выше и добротнее, сложены из красного кирпича, с черепичными крышами и опрятными палисадниками. Почти на каждом доме висела вывеска с изображением часового механизма, знак принадлежности к цеху. Воздух здесь был пропитан запахом масла. Не едкого машинного, а лёгкого, почти парфюмерного, используемого для смазки точных приборов.

Извозчик остановился у нужного дома. Елена расплатилась и выбралась на тротуар. Дом мастера Нокса был трёхэтажным, с узким фасадом и высокой мансардой. Окна первого этажа закрыты ставнями, на двери висел тяжёлый замок. Она подёргала дверь. Заперто наглухо. Обошла дом сбоку, пытаясь найти чёрный ход или открытое окно. Всё было закрыто. Тогда постучала в дверь соседнего дома. Ей открыла пожилая женщина.

— Простите, госпожа, — начала Елена, предъявляя знак. — Я из Гильдии Менял, расследую обстоятельства аварии на мосту. Вы знали вашего соседа, мастера Гаспара Нокса?

Женщина нахмурилась и оглядела Елену с головы до ног.

— Знала, как не знать. Тихий был господин, вежливый. Жил один, с тех пор как жена умерла три года назад. А что с ним?

— Он не появлялся дома в последние дни?

— Да нет, почитай, неделю уже как не видела. Думала, может, уехал куда по делам цеха. У них, у часовщиков, вечно какие-то выезды. То на Ржавые Пустоши, то ещё куда. А что случилось-то?

— Благодарю вас, — Елена уклонилась от ответа. — Вы не замечали в последнее время у его дома каких-нибудь посетителей? Может, необычных?

Старуха задумалась.

— Да вот недели две назад, вечером уже, подъехала к его дому карета. Чёрная такая, без гербов. Из неё вышел господин в плаще, лица не разглядела, темно было. Постучал, Нокс ему открыл, они вдвоём куда-то уехали. Вернулся только под утро. Я слышала, как дверь хлопнула. А на следующий день был сам не свой. Я его встретила, поздоровалась, а он даже не ответил. Будто сквозь меня смотрел. Испуганный был.

Елена кивнула, запоминая каждое слово.

— Большое вам спасибо. Если вспомните что-то ещё, сообщите в Аудиторский корпус Гильдии Менял.

Елена отошла от дома и задумалась. Чёрная карета без гербов, ночной визит, испуганный вид мастера на следующий день. Это не вязалось с образом хладнокровного диверсанта. Скорее походило на человека, которого втянули во что-то против его воли. Или которому угрожали.

Нужно было попасть внутрь дома. Взламывать замок без ордера она не имела права. Но в экстренных случаях, когда существовала угроза уничтожения улики, аудитор мог действовать по своему усмотрению. Елена решила, что такой случай настал. Вернулась к дому Нокса и внимательно осмотрела дверь. Замок был старым. С ним мог справиться любой подмастерье слесаря. Но у неё не было с собой инструментов.

Обошла дом и обнаружила, что окно в задней части, выходившее в крошечный внутренний двор, прикрыто неплотно. Створка отошла на несколько миллиметров. Поддела её пальцами, затем использовала кусок металла, найденный тут же во дворе, чтобы отжать шпингалет. Через минуту уже протискивалась в тёмную комнату.

Внутри было тихо и сумрачно. Пахло пылью, старым деревом и всё тем же вездесущим маслом. Зажгла маленький ручной фонарь, который всегда носила с собой. Цилиндр с осколком сердечника, дававший тусклый, но ровный свет. И начала осмотр.

Гостиная на первом этаже была обставлена скромно, но со вкусом. Книжные полки, заполненные технической литературой. Большой рабочий стол у окна, на котором лежали чертёжные инструменты и листы кальки с незаконченными схемами. Всё выглядело так, словно хозяин вышел на минуту и должен вот-вот вернуться. Просмотрела бумаги на столе. Ничего необычного. Текущие проекты цеха, расчёты нагрузок, графики замены сердечников на городских объектах. Поднялась на второй этаж, где находилась спальня. Тут заметила первое нарушение порядка. Ящики платяного шкафа были выдвинуты, часть вещей валялась на полу. Кто-то уже обыскивал дом до неё. Причём этот кто-то не особенно скрывался. Обыск был быстрым и грубым.

В ящике прикроватной тумбочки нашла маленький медальон. Внутри выцветший портрет женщины с добрыми глазами. На обороте гравировка «Гаспару от Элизы. Жди меня дома». Осторожно закрыла медальон и положила обратно. Она знала, что жена Нокса умерла. Но он всё ещё хранил её портрет у кровати. Значит, не был бездушным преступником.

Опустилась на колени и провела ладонью по полу. Пыли было немного. Обыск произвели совсем недавно, максимум день назад. Прошла в дальний угол спальни и увидела то, что искала. В стене была небольшая ниша, скрытая за картиной. Она висела криво, за ней угадывался сейф. Но он был открыт. Внутри пусто. Тот, кто обыскивал дом, знал о тайнике.

Собираясь уходить, её взгляд упал на мусорную корзину в углу спальни. Среди обрывков бумаг и сломанного пера что-то тускло блеснуло. Наклонилась и осторожно, двумя пальцами, извлекла маленький металлический предмет. Это была круглая печать, размером с ноготь большого пальца, с выгравированным на ней сложным символом. Поднесла ближе к фонарю. Символ изображал стилизованную шестерню, внутри которой находилась не змея, как на знаке Часовщиков, а капля. Очень похожая на слезу или на каплю расплавленного металла. Такой печати Елена никогда раньше не видела. Она не принадлежала ни одной из официальных Гильдий.

Спрятала печать в карман куртки и покинула дом тем же путём, что и вошла. Пора было возвращаться в Офис и ждать документов от Феликса. Но у неё было ещё одно дело в квартале Часовщиков. Хотела заглянуть в архив цеха Мостовых Укреплений, который находился в подвальном этаже Большого Колеса. Это было рискованно. Находиться на территории чужой Гильдии без приглашения. Но формально, как аудитор, ведущий расследование, она имела право доступа к любой технической документации, имеющей отношение к делу. А Советник Гельмут на совещании сам сказал, что им скрывать нечего. Что ж, она проверит, так ли это.

Большое Колесо было не просто зданием. Это был символ могущества Гильдии Часовщиков, её сердце и мозг одновременно. Огромная круглая башня из серого камня возвышалась над центром города. На её вершине постоянно вращалось гигантское зубчатое колесо, соединённое с главным городским хронометром. Вокруг башни, на несколько кварталов, раскинулись мастерские, склады, лаборатории и административные корпуса. Весь комплекс обнесли высокой стеной, у ворот круглосуточно дежурила стража. Но Елена не собиралась идти через главный вход.

Она знала, что под Колесом существует сеть подземных ходов, соединяющих его со всеми важными механизмами города. Эти ходы использовались для обслуживания магистральных линий и скрытой транспортировки особо ценных сердечников. Входы в них были разбросаны по всему городу. Один из них находился в подвале старой часовой лавки в двух кварталах отсюда. Эти слухи Елена слышала ещё во время одного из прошлых расследований. Она запомнила координаты.

Владельцем лавки был древний старик, который помнил ещё те времена, когда вместо сердечников использовали водяные колёса. Дремал за прилавком, когда Елена вошла.

Он приоткрыл один глаз.

— Аудитор? — проскрипел он. — В такую-то пору? Обычно вы, гильдейские, по вечерам спите. Или в бумажках копаетесь.

— У меня особое задание, — коротко ответила Елена, показывая знак. — Мне нужно пройти в подсобку.

— В подсобку? — старик прищурился. — Там только хлам. Крысы, знаете ли, не любят гостей.

Она шагнула было к подсобке, но старик неожиданно проворно выбросил руку и ухватил её за рукав.

— Там ход, — сказал он тихо, уже без тени старческого дребезжания. — Вы ведь за этим пришли? Я не дурак, госпожа аудитор. Знаю, куда ведёт эта дверь.

Елена осторожно высвободила рукав.

— Мне нужно туда. Я веду расследование.

Старик отпустил её и откинулся на спинку стула.

— Дело ваше. Если вас поймают, я вас не видел. И никакого хода в моей лавке нет. Понятно?

— Разумеется. — Елена уже взялась за ручку двери в подсобку. — Вы просто спите и ничего не видели.

Старик хмыкнул и закрыл глаза. Через мгновение он уже размеренно посапывал.

Она прошла в подсобное помещение. Там, за грудой старых шестерёнок и сломанных хронометров, действительно обнаружилась низкая дверь, ведущая на крутую винтовую лестницу вниз.

Елена спустилась. В подземном ходе было сыро и темно. Стены, выложенные старым кирпичом, покрывала плесень. Где-то капала вода. Шла вперёд, ориентируясь по слабому току воздуха и едва слышному гулу, который по мере продвижения становился всё громче. Этот гул был знаком каждому жителю Кредиса. Ритмичный звук работающих механизмов Колеса. Ход привёл её к тяжёлой металлической двери.

Остановившись перед дверью, приложила к ней ладонь. Металл был холодным, но не мёртвым. Она чувствовала вибрацию, передававшуюся от работающих где-то наверху механизмов. За этим проходом была территория чужой Гильдии. Если её поймают, арест, допрос, возможно, обвинение в шпионаже. Серебряный знак аудитора здесь не имел силы.

— Ну и что? — прошептала она себе под нос. — Тебя уже пытались запугать. Так что одним обвинением больше, одним меньше.

Потянула за ручку и вошла.

Здесь было светлее. На стенах горели фонари. Вдоль коридора тянулись трубы и кабели. Пахло металлом и озоном. Елена знала, что архив находится где-то на этом уровне. Ей повезло. В этот поздний час коридоры были почти пусты. Лишь раз она услышала шаги за поворотом и успела скрыться в нише. Мимо прошёл молодой подмастерье с охапкой чертежей, насвистывая что-то себе под нос.

Дверь архива была обита железом, естественно заперта на механический кодовый замок. Она осмотрела его. Простая дисковая модель, которую умела вскрывать. Не самое законное действие, но теперь, после находки печати, она уже не сомневалась, что расследование вышло за рамки обычного аудита. Потребовалось около пяти минут, чтобы, прижимаясь ухом к холодному металлу, уловить щелчки внутренних штифтов. Наконец замок поддался.

Внутри архива было тесно. Стеллажи до потолка, забитые папками. Она быстро нашла секцию «Мостовые Укрепления» и ящик с literой «Ж», Железный Мост. Вытащила тяжёлую папку и раскрыла её. Журналы обслуживания, акты замены сердечников, рапорты осмотров. Пробежала глазами последние записи. Согласно им, замена сердечников в опорах А и Г была произведена два года назад, в опорах Б и В восемь лет назад. Всё как и должно было быть. Но в записях за последний месяц было нечто странное. Согласно журналу, Гаспар Нокс проводил внеплановый осмотр моста три недели назад. Причину осмотра он указал расплывчато, «проверка стабильности силового контура». А через два дня после этого ещё один осмотр, уже без указания причины. Затем пропуск. За неделю до катастрофы в журнале не было ни одной записи, хотя по регламенту мастер обязан был проводить визуальный осмотр каждые три дня.

Перевернула страницу и нашла акт о списании. Две недели назад Нокс списал со склада цеха два запасных ключа-резонатора «в связи с механическим износом». Но согласно складской ведомости, которую она просмотрела следом, старые ключи на склад возвращены не были. Это было грубейшее нарушение, которое любой аудитор заметил бы мгновенно.

Сделала пометки в своём блокноте. И уже хотела закрыть папку, когда из неё выпал сложенный листок бумаги. Он был спрятан между страниц, не подшит. Развернула его. Это была квитанция из ломбарда, расположенного в Безымянном квартале. На квитанции было указано, что некий Г.Н. сдал на хранение «запечатанный ящик с инструментами». Сердце забило быстрее. Гаспар Нокс что-то спрятал. Что-то, что не хотел оставлять ни дома, ни в мастерской.

Аккуратно положила квитанцию в карман, вернула папку на место и бесшумно покинула архив. Заперев дверь, тем же подземным ходом вернулась в часовую лавку. Старик по-прежнему дремал. Вскользнула на улицу. Ночь опустилась на Кредис. Фонари горели в полную силу. Город наполнился ночными звуками и отдалённым гулом Колеса, перестуком поршней, далёкими криками ночных сторожей. Конки уже не ходили, но извозчики ещё стояли на углах.

Елена могла взять карету до Безымянного квартала, но это привлекло бы внимание. Извозчики запоминали лица. Она пошла пешком.

Ломбард откроется только утром. Но ждать до утра она не могла. Слишком многое указывало на то, что круг посвящённых в эту схему гораздо шире, чем один мастер. И у них есть все возможности замести следы. Решила отправиться в Безымянный квартал немедленно. Хотя бы разведать обстановку.

Но прежде нужно было зайти в Офис. Переодеться, взять кое-что из снаряжения. Идти в Безымянный в гильдейской куртке с серебряным знаком было бы самоубийством. Елена вернулась в здание, когда уже стояла ночь. Коридоры опустели, только в вестибюле горели дежурные лампы, да Родион сидел на своём посту, читая старую газету.

— Госпожа аудитор, — сказал он, поднимая голову от газеты. — Полночь уже.

— Дела, Родион. Скоро опять уйду. Мне нужно переодеться.

В кабинете сняла серую куртку с серебряным знаком. Из шкафа достала старый тёмный плащ с капюшоном, что хранила для вылазок в неблагополучные кварталы. Ткань пахла немного плесенью, но для Безымянного это был идеальный наряд. Проверила содержимое. Блокнот, карандаш, универсальный нож, фонарик. Во внутренний отдел сунула маленький арбалет, единственное оружие, которым владела более или менее сносно. Стрелять приходилось всего дважды за всю карьеру, оба раза в тире. Сам вес придавал некоторую уверенность.

Спускаясь по лестнице, снова прошла мимо поста. Родион окинул взглядом её плащ и понимающе кивнул.

Безымянный квартал начинался сразу за старым Канальным рынком, где днём торговали рыбой и овощами, а ночью собирались тени. Граница не была обозначена на картах, но любой житель Кредиса знал её безошибочно. Она проходила там, где заканчивались фонари и начинались кривые улочки, освещённые лишь тусклым светом из щелей в ставнях. Дальше булыжная мостовая сменялась утоптанной землёй, запахом дешёвого табака и немых тел.

Охрану с собой не взяла, хотя по регламенту аудитор имел право на сопровождение при посещении неблагополучных районов. Но конвой означал шум и лишнее внимание. А сейчас нужна была тишина.

Улицы Безымянного были узкими, извилистыми, как змеиные норы. Дома лепились друг к другу, нависая верхними этажами над проходами. Многие перестроили по нескольку раз, их стены представляли собой лоскутное одеяло из кирпича, досок, жести и засохшей глины. Повсюду висело сохнувшее бельё, перегораживая и без того тесные проулки. В темноте шныряли крысы. Где-то плакал ребёнок, недалеко хрипло смеялись мужские голоса. Из подвальной двери тянуло едким дымом.

Она шла быстро и не крадучись. Тут нужно было двигаться уверенно, показывая всем видом, что ты знаешь, куда идёшь, у тебя есть право находиться тут. Или сила. Лучше и то и другое.

Адрес ломбарда помнила наизусть. Это было в глубине квартала, в месте, которое даже местные называли Гнилым Углом. Путь туда лежал через лабиринт переулков.

В одном из проулков заметила тусклый свет фонаря и две фигуры в плащах с серебряными знаками Менял. Они стояли у покосившейся двери и разговаривали с заплаканной женщиной.

— Но он же платил! — доказывала женщина. — Мой муж вносил налог каждый год! У него была мастерская, он был честным ремесленником!

— Он пропустил последний платёж, — сухо ответил один из агентов. — Затем умер. По закону душа переходит Гильдии в счёт долга. Вы можете оспорить это в суде, но на время разбирательств её изымут.

— Вы не можете! У него же дети! Мы хотели сохранить душу для старшего сына!

— Решение принято. Завтра пришлём бригаду.

Агенты развернулись и ушли. Женщина опустилась на порог и заплакала. Елена прошла мимо, стиснув зубы. Она знала этот закон. Душевой налог ввели двести лет назад, чтобы пополнить казну после войны. С тех пор его ни разу не пересматривали, зато штрафы за просрочку выросли вдесятеро. Для бедняков это был приговор. Для Гильдии это бесконечный источник дохода.

Не успела отойти и двадцати шагов, как из темноты выскользнул мальчишка лет десяти, босой, с перемазанным сажей лицом.

— Госпожа, вам куда? Я знаю все проходы. Проведу так, что ни одна собака не учует. Всего за два медяка.

— Я похожа на ту, у кого есть лишние медяки? — спросила Елена, не сбавляя шага.

— Вы похожи на ту, кто заблудится через пять минут, — парировал мальчишка. — Вон там, — он ткнул пальцем в тёмный проулок, — тупик. Там спят бродяги, они злые. А в другой стороне живёт тётушка Грета, она выливает помой прямо на голову прохожим. Хотите искупаться?

Невольно хмыкнула.

— Два медяка, говоришь?

— За два проведу куда угодно и не задам ни одного вопроса.

— А за три?

— За три ещё и расскажу, кого подозрительного сегодня видел.

Дала ему три монеты.

— Сначала расскажи. Потом проводишь.

Мальчишка оглянулся по сторонам и зашептал.

— Двоих в серых плащах. Часа два назад. Они просто стояли и кого-то ждали.

Посмотрела в сторону. Возможно, за ней идёт слежка. Но груз всё равно нужно забрать. Другого шанса может не быть.

— Проводи меня так, чтобы я увидела ломбард, но не попалась им на глаза. Есть такой путь?

— Есть. Идите за мной. Не шумите.

Он вёл её через проулки уверенно, словно по собственному дому. У последнего поворота остановился и кивнул в сторону.

— Вон там. Ломбард. Дальше сами.

Она протянула ему ещё медяк сверху. Мальчишка забрал монету и тут же растворился в темноте, словно его и не было.

Место, в которое она так спешила, оказалось глухим закутком, зажатым между стеной старого складского корпуса и покосившимся доходным домом. В конце, словно вросшее в землю, стояло двухэтажное здание с облупившейся штукатуркой и заколоченными окнами первого этажа.

Прежде чем приблизиться, Елена остановилась в тени у стены напротив и внимательно осмотрела улицу. Проход был пуст, если не считать облезлого кота, рывшегося в куче мусора. Но что-то было не так. На земле у входа валялся свежий окурочок. Здесь тоже кто-то побывал.

Подождала ещё минуту, прислушиваясь к ночным звукам. Где-то лаяла собака, скрипели ставни, гудел далёкий механизм Колеса. Ничего подозрительного. Тогда решила и подошла.

Над входом висела ржавая вывеска, на которой когда-то были нарисованы три золотых шара, символ ростовщика. Теперь от позолоты остались лишь грязные разводы. Дверь была массивной, с глазком на уровне лица. Ниже виднелась узкая щель для передачи вещей. Изнутри не доносилось ни звука.

Постучала. Тяжёлый, глухой стук эхом разнёсся по закутку. За створкой долго молчали. Затем глазок приоткрылся, чей-то зрачок уставился на неё.

— Чего надо? — проскрипел голос. Старый, надтреснутый.

— У меня квитанция, — ответила Елена, доставая сложенный листок. — От Гаспара Нокса. Хочу забрать его груз.

— Ночью? Приём утром. С десяти до четырёх.

— Мне нужно сейчас. Заплачу сверху.

Сунула в щель одну серебряную. Монета исчезла. За створкой послышалось шарканье и лязг засовов. Она приоткрылась ровно настолько, чтобы можно было протиснуться внутрь.

В помещении было темно и душно. Пахло старой кожей, металлом и чем-то кислым, напоминающим уксус. Единственным источником света была керосиновая лампа на стойке. За ней стоял хозяин, сгорбленный, с лицом, на котором выделялись необычно яркие, цепкие глаза. Одет в засаленный жилет поверх рубахи. На носу сидели очки с толстыми линзами, придававшие его взгляду выражение вечного удивления.

— Квитанция, — потребовал он, протягивая костлявую руку.

Она отдала листок. Ростовщик поднёс его к лампе и долго изучал, шевеля губами. Затем кивнул и скрылся за занавеской, отделявшей подсобное помещение. Его не было довольно долго. Елена стояла, прислушиваясь к звукам дома. Где-то наверху скрипнула половица. Там кто-то был. Возможно, не один. Положила руку на карман с арбалетом.

Хозяин вернулся, держа в руках небольшой деревянный сундук, окованный по углам железом. Крышка была заперта на висячий замок.

Поставил его на стойку и придержал рукой.

— Погодите, госпожа. — Постучал пальцем по квитанции. — Тут сказано «инструменты». А сундук мал. Простые инструменты в такой не влезут. Разве что самые дорогие.

— Значит, там очень хороший набор, — спокойно ответила Елена.

— Или не набор вовсе. — Ростовщик прищурился. — Я не дурак. Знаю, что такие, как вы, не приходят среди ночи за гаечными ключами. — Помолчал. — Доплата за риск. Ещё две серебряные монеты.

— Вы и так запросили втрое против обычного.

— Обычное днём. А ночью особый тариф.

Молча положила на стойку ещё одну монету.

— Хватит. Или я забираю груз без доплаты, а заодно сообщаю властям, что вы принимаете краденое.

Хозяин хмыкнул, сгрёб монету, убрав руку.

— Приятно иметь дело с понимающей женщиной. Уходите. И не возвращайтесь.

— Не планирую.

Она подхватила ношу. Небольшая, но угловатая и неудобная, пришлось перехватить поудобнее. Не говоря больше ни слова, вышла обратно в ночь. Холодный воздух ударил в лицо после духоты помещения. Быстро огляделась. Проход был пуст.

Направилась прочь из квартала и не стала вскрывать ношу на месте. Это было бы слишком опасно. Нужно добраться до безопасного места, где можно спокойно изучить содержимое. Но идти домой не хотелось. Квартира аудитора, даже расположенная в Литейном районе, не была надёжным укрытием. Если те, кто обыскал жилище Нокса, узнают, что сундук у неё, они придут за ним. Ростовщик явно был из тех, кто продаёт сведения первому же покупателю.

Оставался один вариант — её кабинет в Офисе Гильдии. Даже в этот час здание охранялось, никто не посмел бы напасть на аудитора в стенах Гильдии Менял. По крайней мере, она на это надеялась.

Обратный путь через Безымянный занял больше времени. Она дважды сбивалась с пути и оказывалась в незнакомых проулках. Один раз пришлось переждать, пока пройдёт группа ночного патруля, местных бандитских шайк, контролировавших район вместо официальных властей. Эти были вооружены дубинками и обрезками труб, вид у них был такой, что лучше не попадаться им на глаза.

Когда наконец выбралась на освещённые улицы центра, небо на востоке уже начало сереть. Близился рассвет. Елена чувствовала усталость во всём теле, но адреналин продолжал гнать вперёд. Когда добралась до Офиса, кивнула сонному привратнику и поднялась к себе. Плотнo закрыв дверь, поставила сундук на стол и позволила себе выдохнуть. Руки всё ещё дрожали. То ли от стужи, то ли от пережитого страха. Посмотрела на свои пальцы, на въевшуюся под ногти грязь.

— Не создана я для приключений, — сказала себе вслух. — Пыльные архивы и скучные отчёты, вот это моё. Но нет, сижу ночью с краденым грузом, а ещё за мной охотятся люди в плащах. Ладно. Жалеть себя буду потом. Пора работать.

Замок на сундуке был простым, справилась с ним с помощью скрепки и универсальной отмычки. Внутри, на слое промасленной ткани, лежал набор. Но не обычные часовые приспособления, которые она ожидала увидеть. Станный подбор. Пара резцов с алмазными наконечниками, миниатюрная паяльная лампа с баллончиком для газа, несколько тиглей разного размера, колба с какой-то густой серебристой жидкостью. Самое главное — комплект ювелирных печатей и пуансонов. Точно таких же, как те, что нашла в мусорной корзине Нокса. Печатей было пять штук, каждая с разными символами. Одна с сертификацией Гильдии Часовщиков. Другая со знаком качества Менял. Ещё три неизвестных отметины, похожих на стилизованные буквы чужого алфавита.

Взяла одну и поднесла к лампе. Под увеличительным стеклом разглядела тончайшие детали гравировки. Работа высочайшего класса. Такую вещь невозможно изготовить в кустарной мастерской. Для этого требовалось оборудование уровня Большого Колеса.

Вспомнила про фрагмент, найденный водолазом. Достала из кармана и положила рядом. Сплав совпадал. Оттенок, зернистая структура, всё то же. Значит, оплавленный кусок под опорой Б был частью именно этого комплекта. Приспособление для выкачки энергии изготовили из того же металла. Рука Нокса или его хозяина, уже неважно.

Перебрала остальное содержимое сундука. На самом дне, под слоем ткани, лежал небольшой блокнот в кожаном переплёте. Страницы исписаны мелким почерком Нокса. Это был не дневник, а скорее технический журнал, полный схем, расчётов и сокращений, понятных только специалисту. Но среди технических заметок попадались и личные, сделанные наспех на полях.

«...резонатор работает нестабильно. Контур замыкается на третьем витке. Нужно увеличить сечение медной жилы...»

«...опять приходил К. Требуется ускорить. Сказал, что сроки сдвигаются. Что готовит большое изъятие...»

«...сегодня видел оплавленный сердечник из седьмой партии. Это ужасно. Они не горят, а кричат. Я слышу их, даже когда не прикасаюсь...»

«...К. сказал, что если я попытаюсь уйти, моя душа пойдёт в следующую партию. Он не шутит. У него есть мой долговой договор. Откуда? Я никогда не закладывал себя...»

На этом записи обрывались. Последняя страница была вырвана с мясом, остался только неровный край.

Отложила блокнот. Голова шла кругом. К.? Кто это? Корнель? Или кто-то ещё? Большое изъятие, что это значит? И фраза про долговое обязательство. Это было очень серьёзно. Если Нокс не закладывал себя добровольно, значит бумагу подделали. А подделка такого рода каралась в Кредисе смертью через развоплощение. Преступника не очищали, не заключали в сердечник, а рассеивали, уничтожая навсегда. Высшая мера, применявшаяся крайне редко, только по решению объединённого Совета Гильдий.

Печати спрятали обратно, сундук заперла в стальном шкафу. Блокнот Нокса сунула во внутренний карман. Он ещё мог пригодиться. Затем села за стол и попыталась собрать воедино всё, что знала.

Факты были таковы. Гаспар Нокс, мастер-часовщик, ответственный за обслуживание Железного Моста, был втянут в некую незаконную аферу. Она включала в себя подделку печатей, манипуляции с силовыми контурами и переупаковку истощённых душ. За всем этим стоял некто, обозначенный литерой К., имевший доступ к долговым бумагам и способный подделать запись о залоге. Нокс пытался выйти из игры или, по крайней мере, зафиксировать происходящее, спрятав компрометирующие улики в ломбарде.

Она встала и подошла к окну. За ним медленно занимался хмурый, серый рассвет. Город просыпался.

Стук в дверь застал её врасплох. Она вздрогнула и обернулась.

— Войдите.

Это был тот же молодой клерк, что и вчера. Выглядел испуганным.

— Госпожа аудитор, вам просили передать. Срочно.

Клерк протянул запечатанный конверт. Елена взяла его и сразу отметила целый сургучный оттиск с гербом городской стражи. Значит, послание не вскрывали. Она сломала печать и пробежала глазами короткие строки.

«Обнаружено тело мужчины, предположительно мастера-часовщика Гаспара Нокса. Труп найден в сточном коллекторе под Рыночной площадью. Причина смерти — множественные колотые раны. При себе обнаружен знак цеха Мостовых Укреплений. Просим явиться для опознания и участия в осмотре места происшествия».

Смяла записку в кулаке. Она опоздала. Тот, кто убрал Нокса, действовал быстрее. Но теперь у неё было хотя бы тело. Оно, как и сердечник, могло рассказать свою историю. Нужно было только уметь его слушать.

Схватила куртку и направилась к выходу. Клерк посторонился, прижимаясь к стене. Выражение лица у него было такое, словно он увидел призрак. Елена знала, что выглядит сейчас не лучшим образом после бессонной ночи, в мятой одежде, с лихорадочным блеском в глазах. Но ей было плевать на внешность. Она шла по горячему следу, который становился всё яснее.

Рыночная площадь была оцеплена. Люди в стальных нагрудниках стояли плотным кольцом, сдерживая толпу зевак. Слухи о находке в коллекторе разнеслись по городу быстрее утренних газет. Прохожие жались друг к другу, перешептывались, вытягивали шеи, пытаясь разглядеть хоть что-то поверх голов. Торговцы, не успевшие открыть лавки, ругались, требовали пропустить их.

Елену пропустили за оцепление без лишних вопросов. У входа в сток её встретил следователь городской стражи с усталым лицом и прокуренными усами. Инспектор Виктор, знакомый по нескольким предыдущим делам. Один из немногих, кто относился к аудиторам без враждебности, понимая, что их работа не противоречит, а дополняет его собственную.

— Госпожа аудитор. Быстро вы. Я только полчаса назад отправил посыльного.

— Я была в Офисе. Где он?

— Всё ещё там, внизу. Я распорядился ничего не трогать до вашего прихода. Но там... сами увидите. Зрелище не из приятных.

Он протянул ей маленькую жестяную баночку с ароматической мазью, которую стражи обычно наносили под нос перед осмотром разлагающихся останков. Елена взяла её, но мазать не стала. Запах был важной частью картины. Если притупить обоняние, можно упустить детали.

Вниз вела узкая, скользкая от нечистот лестница. Спускалась, стараясь дышать ртом. В подземном ходе было темно, свет проникал только через решётку сверху, да от фонаря, который держал один из помощников Виктора. Под ногами хлюпала вода, смешанная с илом и отбросами рынка. Пахло гниющими овощами и тухлой рыбой. Поверх всего этого тяжёлый запах разложения.

Труп лежал у стены, наполовину погруженный в мутную воду. Мужчина в рабочей куртке часовщика, сейчас насквозь промокшей, покрытой слоем грязи. Елена подошла ближе, стараясь ступать осторожно, чтобы не потревожить возможные следы. Виктор спустился следом.

— Нашли около четырёх утра. Мусорщики полезли чистить сток, наткнулись. Мы сразу опознали по знаку цеха. Судя по состоянию, он мёртв уже около недели. Может, больше.

Присела на корточки рядом с погибшим и начала осмотр. Лицо Нокса было обезображено разложением, но черты ещё угадывались. Сравнила их с описанием из личного дела, всё сходилось. На груди, в области сердца, куртка пробита в нескольких местах. Колотые раны, как и говорилось в записке. Насчитала пять отверстий. Удары нанесли с большой силой, возможно, узким обоюдоострым клинком. Кровь давно смыло водой, но на ткани вокруг ран остались бурые пятна.

Осторожно приподняла край куртки, осмотрела запястье. Кожа размягчена водой, но контуры татуировки ещё различимы. Знак принадлежности к цеху, скрещённые ключи. Рядом личный номер мастера. Никакого клейма Безымянного. Значит, душа Нокса не была заложена. По крайней мере, официально.

— Инспектор. При нём были какие-нибудь личные вещи? Кроме цехового знака?

Виктор кивнул помощнику, тот подал небольшой кожаный мешочек. Развязала его, высыпала содержимое на чистый кусок ткани, расстеленный на ступеньке лестницы. Несколько медных монет, связка ключей, среди которых был и ключ от его дома, перочинный нож, сломанные карманные часы. И ещё один предмет, маленький, тускло блеснувший. Печать. Точно такая же, как те, что были в сундуке из ломбарда. Только эта разломана на куски. Кто-то наступил на неё или ударил, расколов.

Елена аккуратно подобрала обломки, сложила вместе. На этот раз символ был другой. Стилизованный глаз, внутри которого находилась всё та же капля.

— Что это? — спросил Виктор, заглядывая через её плечо.

— Пока не знаю. Но обязательно выясню. Инспектор, я хочу, чтобы его отправили не в общий морг, а в анатомический театр Гильдии Менял. Чтобы вскрытие проводилось под моим личным контролем.

Виктор нахмурился.

— Это нарушение процедуры. Тела неустановленных лиц...

— Он установлен, — резко перебила Елена. — Это Гаспар Нокс, мастер-часовщик, главный подозреваемый по делу об обрушении Железного Моста. Я веду это дело. Требую, чтобы все вещественные доказательства были переданы мне.

Тот помолчал, разглядывая её лицо. Затем кивнул.

— Хорошо. Я оформлю передачу. Но вам придётся подписать соответствующие бумаги.

— Подпишу. Благодарю за сотрудничество.

Она поднялась на поверхность. Толпа зевак за оцеплением стала ещё больше. Любопытные, испуганные, злорадные. Оглядела её и вдруг замерла. В заднем ряду, почти скрытый за спинами других, стоял человек в тёмном плаще с капюшоном. Лица было не видно, но поза, манера держаться показались смутно знакомыми. Шагнула в его сторону, но толпа сомкнулась. Когда протолкалась к тому месту, человек исчез. Был и нет.

Вернувшись в Офис, нужно было подготовиться к вскрытию и систематизировать то, что уже знала. Прежде всего требовалось найти того, кто сможет расшифровать технические записи Нокса. Сама она была аудитором, а не инженером. Схемы и расчёты оставались для неё тёмным лесом. Нужен был специалист, которому можно доверять. Такой у неё был.

Звали его Максим. Бывший часовщик, уволенный из цеха Точных Приборов пять лет назад по обвинению в растрате. Елена познакомилась с ним, когда расследовала то дело. Тогда она доказала, что растрату совершил не Максим, а его начальник. Но к тому времени того уже вышвырнули на улицу с волчьим билетом. Ни одна мастерская в Кредисе не брала его на

работу. Он выживал, ремонтируя мелкие артефакты для бедноты в Безымянном квартале. Она знала, где его найти. После того дела между ними осталось что-то незавершённое. Она тогда отмахнулась, списав на усталость. Оба сделали вид, что ничего не было. Сначала вскрытие.

Анатомический театр Гильдии Менял располагался в подвальном этаже восточного крыла Офиса. Просторное помещение с высокими сводами, выложенное белым кафелем. Посередине стоял мраморный стол с желобами для стока жидкостей. Вдоль стен тянулись стеллажи с банками, наполненными фрагментами тел и органов. Освещалось всё это мощными лампами, дававшими яркий, безжалостный свет.

Главным анатомом Гильдии был сухой, педантичный Магистр Фабер. Он носил очки с толстыми линзами, говорил тихим, монотонным голосом, от которого клонило в сон. Но своё дело знал блестяще. Когда Елена вошла в театр, тело уже подготовили к вскрытию. Труп Нокса был обмыт, уложен на стол. Раны на груди зияли тёмными провалами на размокшей коже.

— Госпожа аудитор. Я ознакомился с предварительным заключением стражи. Множественные колотые раны. Смерть, предположительно, от потери крови. Но я хотел бы обратить ваше внимание на другое.

Указал скальпелем на руки. Елена подошла ближе. На пальцах Нокса, под ногтями, виднелись тёмные полосы.

— Это не грязь. Это въевшаяся металлическая пыль. Медь, серебро, следы кварца. Характерный состав для тех, кто работает с тонкой гравировкой. Ещё следы химического ожога на подушечках пальцев. Он имел дело с кислотой. Едкое соединение на основе ртути, для травления металла.

— Серебристая такая, густая? — уточнила Елена.

— Именно.

Она вспомнила колбу из сундука.

— Значит, он сам их делал.

— Вероятно. И ещё одно. Я обнаружил в его крови следы сильнодействующего токсина. Алкалоид растительного происхождения. Он был отравлен до того, как его ударили ножом. Возможно, яд ввели в пищу или питье. Он парализует мышцы, жертва не может двигаться, но остаётся в сознании. Убийца хотел, чтобы тот всё чувствовал.

— Токсин. Вы можете определить, какой именно?

Фабер поправил очки.

— Судя по остаточным следам в крови, это экстракт корня чёрной мандрагоры. Редкое вещество. В Кредисе его используют только в двух местах. В больничном корпусе Часовщиков как анестетик, в лабораториях Административного Совета для допросов. В малых дозах он парализует мышцы, оставляя сознание ясным. Жертва всё чувствует, но не может пошевелить и пальцем.

— Идеально для пыток, — мрачно заключила Елена.

— Подходяще для того, чтобы человек умер в полном сознании, понимая, что с ним происходит. — Фабер помолчал. — Я работаю здесь много лет, госпожа аудитор. И видел много смертей. Но этот яд используют не для убийства, а для наказания.

Елена вздрогнула. Картина становилась всё более мрачной. Нокса не просто убрали как свидетеля. Его пытали. Или наказывали. Делал это кто-то, кто имел доступ к редким ядам.

— Спасибо, Магистр. Продолжайте вскрытие. Мне нужен полный отчёт к вечеру.

Она покинула анатомический театр, поднялась в свой кабинет. На столе её ждали документы, обещанные мастером Феликсом. Журналы обслуживания моста, графики замен, акты списания. Принялась методично их изучать, сверяя с теми данными, что нашла в архиве Колеса. Расхождения начали всплывать почти сразу. В журналах, предоставленных Феликсом, записи за последние недели были подчищены. Не хватало тех самых страниц, где Нокс фикси-

ровал внеплановые осмотры, необъяснимые скачки в расходе энергии. Кто-то поработал над документами совсем недавно.

Откинувшись на спинку стула, прикрыла глаза. Она устала и тело требовало сна, но разум отказывался отключаться. Перед мысленным взором проплывали обрывки дня. Лицо Нокса на мраморном столе, бледное и спокойное, как маска. Дрожащий почерк в блокноте. Глаз с каплей, который почти уничтожили.

Круг сжимался. С одной стороны Корнель, намекавший на то, что выводы расследования должны быть удобными. С другой Советник Гельмут, который, очевидно, покрывал коррупционную схему внутри своей Гильдии. Где-то между ними таинственный К., дергающий за ниточки. И убитый мастер, который знал слишком много.

Долговой договор. Вот где ключ. Если Нокс не закладывал душу добровольно, значит, бумагу подделали. Сделать это мог только тот, кто имеет доступ к архивам Гильдии Менял. Кто-то из своих. Она взяла блокнот Нокса и перечитала записи.

— К., — прошептала она. — Корнель? Нет, он слишком осторожен для такого. Гельмут? У него нет доступа к архивам Менял. Значит, либо у Гельмута есть сообщник среди наших, либо К. кто-то выше. Кто-то, кто стоит над обеими Гильдиями.

Взяла карандаш, на чистом листе бумаги выписала буквы. К. К. Инициалы из дневника? Или что-то другое? Нокс писал только К., но в одном месте, на полях схемы, заметила крошечную приписку, почти стёршуюся. «К.К. сказал месяц. Потом всё закончится». Что это значит, ещё предстояло выяснить.

Улики отправились в сейф, а сама она подошла к окну. Город гудел внизу. Был слышен перестук поршней, далёкие крики торговцев, мерный звон курантов. А здесь, в тишине кабинета, Елена чувствовала себя так, словно стоит на краю пропасти. Ещё шаг, и узнает правду. Но это может стоить ей жизни.

Она должна была ещё раз зайти в Безымянный квартал. На этот раз не в ломбард, а в самую его глубину, в трущобы, где доживали свой век те, кого называли пустыми. Те, кто продал права на свои души и теперь жил в ожидании смерти, которая сделает их окончательной собственностью Гильдии. Среди них был один человек, который, по слухам, знал всё о теневом рынке душ. Его называли Слепой Руди. Когда-то он работал оценщиком, как и сама Елена. Потом его ослепили. Он оказался на дне, среди тех, кому уже ни на что не осталось надежды. Только этот человек мог объяснить, что означает символ глаза с каплей и как расшифровать букву К.

Она накинула плащ и спешно вышла в город. Второй визит в Безымянный квартал за сутки. Надеялась, что он будет удачнее первого. И успеет добраться до Слепого Руди раньше, чем это сделают те, кто убрал Нокса. Теперь она была почти уверена, что охота началась. При этом считала себя уже не охотником, а дичью.

Часть 2. Тени Безымянного

Безымянный квартал днём выглядел иначе, чем в темноте. Безопаснее не стал, просто сменил облик угрозы. В часы тьмы здесь царило насилие. С рассветом наступал голод. Из запавших глаз детей, копошившихся в мусорных кучах в поисках съестного, смотрел он. Звучал в надрывном кашле людей, сидевших на порогах домов. Сочился из открытых дверей дешёвых харчевен, где за медную монету подавали миску мутной похлёбки с разваренными костями и очистками овощей.

Шла через этот голод, стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Присутствие чужака здесь вызывало глухую, застарелую ненависть. Знак Гильдии Менял, даже спрятанный под плащом, словно излучал невидимое свечение, которое местные обитатели чувствовали кожей. Её выдавали походка, осанка, манера держать голову. Всем тут было ясно, откуда она пришла. Из мира, где души стоят денег. А их собственные давно проданы и ждут лишь часа, когда за ними придут сборщики.

В одном из проулков дорогу перегородили трое. Не нищие, те бы просто попрошайничали или шарахнулись в сторону. Эти стояли уверенно, плечистые, в кожаных куртках с чужого плеча, но крепких. У одного на поясе был нож, у другого обрезок трубы. Они не угрожали. Просто стояли и смотрели.

Елена замедлила шаг, но не остановилась.

— Куда идёшь? — спросил тот, что с ножом. Голос ровный, без злобы. Так разговаривают с чужаком, которого можно потрясти.

— По делу, — ответила она.

— Дела у всех. А ты вот не сказала, какие.

Елена взвесила варианты. Обойти их не получится, проулок узкий. Арбалет доставать рано, они ещё не напали. Но и стоять молча нельзя, это выглядит как страх.

— К ростовщику, — сказала она. — Должок забрать.

Тот, что с трубой, хмыкнул.

— К какому?

Елена не ответила. И по их лицам поняла, что молчание её выдало.

— То-то и оно, — сказал тот, что с ножом. — Всех ростовщиков тут знаем. А ты, значит, к безымянному идёшь. Или не к ростовщику вовсе.

Она пожала плечами и сделала ещё шаг. Трое не двинулись, но и не расступились.

— Слушай, красавица. Мы люди простые. Ты тут чужая. Идёшь куда-то. Может, в карманах что есть. Покажи, и ступай себе.

— Покажу, — согласилась она. — Только отойди. Не люблю разговаривать, когда стоят над душой.

Тот с ножом усмехнулся и кивнул своим. Проход освободился наполовину. Елена шагнула вперёд, вытащила из кармана не арбалет, а горсть медных монет. Бросила их под ноги. Монеты звякнули, рассыпались по грязной земле.

Трое на мгновение опустили глаза. Этого хватило. Елена развернулась и бросилась назад, откуда пришла. За спиной послышалась ругань, но погони не было. То ли не захотели возиться, то ли монеты показались достаточной добычей.

Она побежала, свернула в боковой проход, потом ещё раз, запутывая след. Только когда убедилась, что никто не идёт за ней, позволила себе остановиться и перевести дыхание. Сердце колотилось громче, чем хотелось бы.

Слепой Руди жил в самом сердце Гнилого Угла, в покосившемся здании без окон, которое местные называли Склепом. Когда-то это была часовня какого-то забытого культа, потом её перестроили под жильё, заложив окна кирпичом, прорубив дополнительные двери. Теперь дом

напоминал муравейник. Вонь стояла такая, что даже у привычной ко всему Елене из желудка подкатило к горлу. Пахло мочой, плесенью, варёной капустой, гниющими отбросами, которые никто не вывозил, и чем-то похожим на ладан, но с примесью гнили.

Дорогу спросила у женщины, кормившей грудью младенца прямо на ступенях лестницы. Та молча указала глазами наверх. Поднялась на третий этаж, стараясь не наступать на тела спящих в коридорах людей. Она не могла сказать, живы они или уже нет. Дверь в комнату Руди была приоткрыта.

Вошла, не стучась.

В комнате не было ни лампы, ни свечи. Только густой, почти осязаемый сумрак. Елена достала из кармана свой ручной фонарь. Помещение оказалось крошечным, с низким потолком, подпираемым прогнувшейся балкой. У стены стоял топчан, застеленный грубым одеялом. На полу были разбросаны какие-то тряпки, обрывки бумаг, пустые бутылки. В углу громоздился верстак, заваленный осколками кварца, деталями механизмов, мотками проволоки. За ним, спиной к двери, сидел человек.

— Входи, аудитор, — сказал он тихо, почти без выражения. — Я тебя ждал.

Замерла на пороге. Человек не оборачивался, но она поняла, что он действительно знает, кто перед ним. То ли услышал шаги, то ли у него были свои источники сведений. В Безымянном квартале слухи распространялись быстрее ветра.

Прошла в комнату, села на единственный табурет, стоявший у стены. Теперь она могла рассмотреть Слепого Руди. Это был мужчина неопределённого возраста, ему могло быть как сорок, так и шестьдесят. Лицо обращено к ней, она увидела его глаза. Вернее, то, что от них осталось. Глазницы были пусты, прикрыты лишь тонкими, полупрозрачными веками, которые иногда подрагивали. На месте глаз была старая, зарубцевавшаяся ткань. Это не было врождённым уродством. Руди ослепили, сделали это жестоко. Его руки, лежавшие на столе, покрывала сеть шрамов и ожогов.

— Ты знаешь, кто я, — сказала Елена.

— Знаю, что ты аудитор из Гильдии Менял, — ответил Руди. Губы растянулись в подобии улыбки, обнажив редкие, жёлтые зубы. — Знаю, что ты из Дома Оценщиков и что ты щупач. Твои шаги лёгкие, но уверенные. Ты не шаркаешь, как здешние, не стучишь каблуками, как стража. Идёшь так, будто каждый сантиметр пола может рассказать тебе историю. Только у щупачей такая походка.

Елена не стала подтверждать или опровергать. Достала из кармана обломки сломанной печати, положила их на стол перед Руди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.